

ODYSSEUS

Man in History

The Subjunctive
Mood in History?

2000

MOSCOW
«NAUKA»
2000

ОДИССЕЙ

Человек в истории

История в
сослагательном наклонении?

2000

МОСКВА
«НАУКА»
2000

ББК 63.3(0)
О 42

Главный редактор
А.Я. ГУРЕВИЧ

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, И.В. ДУБРОВСКИЙ, Б.С. КАГАНОВИЧ, В.Н. МАЛОВ,
СВ. ОБОЛЕНСКАЯ (зам. главного редактора), М.Ю. ПАРАМОНОВА,
П.Ю. УВАРОВ (зам. главного редактора), В.И. УКОЛОВА, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ,
Г.С. ЧЕРТКОВА (ответственный секретарь), А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Е.М. МЕЛЕТинский, А.О. ЧУБАРЬЯН

Рецензенты:

кандидат исторических наук О.И. ВАРЬЯШ,
кандидат исторических наук Я.Г. ШЕМЯКИН

Одиссей. Человек в истории. 2000. — М.: Наука, 2000. - 344 с.
ISBN 5-02-010188-5

В сборник входят материалы "круглого стола", проведенного по такой увлекательной теме, как "История в сослагательном наклонении", статьи зарубежных и отечественных авторов, посвященные крупным фигурам или значимым тенденциям в современной науке. Кроме того, публикуются размышления Вяч. Вс. Иванова о путях и судьбах гуманитарных наук в XXI столетии, представлена традиционная для "Одиссея" рубрика "Картина мира в ученой и народной культуре" и др.

Для историков и широкого круга читателей.

ТП-2000-П-№ 17

ISBN 5-02-010188-5
ISBN 5-02-010188-5

© Издательство "Наука", 2000
© Российская академия наук
и издательство "Наука",
серия "Одиссей. Человек в истории"
(разработка, оформление),
1989 (год основания), 2000

Мартин Дингес

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: ЧЕРЕЗ ТЕОРИЮ "СТИЛЯ ЖИЗНИ" К "КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ"

Тенденция ко все более частому употреблению понятия "культура" и вытеснению его предшественника — понятия "общество" характерна не только для исторической науки. Это глобальный социальный феномен, свидетельствующий об изменениях в дискурсе постиндустриальных обществ. Я имею в виду термин Мишеля Фуко "дискурс", обозначающий те представления, которые для говорящих являются само собой разумеющимися и показывают, что для них важно и правильно¹. В настоящее время важным представляется, по всей видимости, уже не столько решение или решаемость общественных, т.е. в конечном счете политических, проблем, сколько лучшее понимание тех обстоятельств и мотивов, которые определяют поступки действующих лиц: их многослойность и противоречивость рассматриваются как "культура", направляющая человеческую деятельность. Иными словами, социальный климат эволюционировал от характерной для 60-70-х годов оптимистической убежденности в том, что все осуществимо, к "новой необозримости", которая, похоже, превращается для нашей дисциплины уже в эвристический лозунг, если только я правильно понимаю часто встречающееся утверждение, что всякий данный предмет "на самом деле гораздо сложнее"².

Воспользовавшись формулировкой "важным является", а вернее было бы сказать, "в настоящее время важным считается", я намеренно воспроизвел механизм действия дискурса, когда говорящий решается на некое утверждение лишь потому, что одновременно соответствующее мнение высказывается многими другими - в частности, в средствах массовой коммуникации. На этом примере видно, как изменение терминологической конъюнктуры от "общества" к "культуре" обнаруживает сознательные и бессознательные представления общества о самом себе.

Применительно к исторической науке эта смена основных понятий сигнализирует о недостатках прежней *структурно-социальной* объяснительной теории и о надежде на то, что некая "новая" *культурно-историческая теория* поможет ответить на некоторые вопросы, накопившиеся на предыдущей стадии, когда социальную историю в Германии представляла билефельдская структурная школа, обозначившая себя как "историческая социальная наука" (Historische Sozialwissenschaft). Эти недостатки были предметом серьезной дискуссии, развернувшейся здесь с 80-х годов; кратко напомним ее основные моменты³. Речь шла о господстве в социальной истории макроперспективы, для которой не имеет значения все, что не относится к развитию государства,

складыванию мирового рынка и образованию классов - пролетариата, буржуазии или служащих. Отсутствие в такой перспективе целых тематических полей было предметом критики, в частности, со стороны "женской истории", которая постепенно эволюционирует в сторону "гендерной истории"⁴. Кроме того, отмечалось, что "с высоты птичьего полета" не видны мотивы действий групп и индивидов⁵. За этим подходом усматривалось слишком линейное, ориентированное на идею прогресса, европоцентристское представление об истории, питаемое духом теории модернизации, авторы которой односторонне интерпретировали идеи Макса Вебера⁶. И наконец, вызов социально-исторической парадигме бросают адепты "лингвистического", а также "нарративного поворота". И те, и другие исходят из того, что всякий исторический труд конституируется языком и потому полностью определяется позицией исследователя и исторической ситуацией, в которой он работает. То, что исследователь находится в зависимости от интересов своего времени, является общепризнанным. Однако постмодернисты вообще ставят под вопрос возможность познания исторической "истины".

Но что же противопоставляется столь дружно критикуемой старой парадигме? Конечно, не та традиционная история культуры, которая по причине произвольности выбора своего предмета и простого описания событий, прекрасно сочетавшегося обычно с сомнительными, в лучшем случае социально-консервативными намерениями, повергавшими в ужас многих социальных историков. Я не имею в виду также и то направление, вдохновляемое традициями "истории духа", которое связано с именами Я. Буркхардта и Э. Кассирера, и историю культуры а la К. Лампрехт или Г. Штейнгаузен, и прежде народоведение. Хотя в ходе новейших исследований по историографии культурной истории⁷ все яснее становится, насколько эти направления далеки от современных подходов, но их нельзя недооценивать. Труды этих авторов послужили "каменоломней" для новой культурной истории - в последние годы это неоднократно показывали Р. ван Дюльмен и Х.-П. Дюрр⁸.

Старая культурная история, равно как и историческая социальная наука, отдающая предпочтение политической истории, не выработала всеохватного объяснения способов поведения в обществах прошлого, которое учитывало бы повседневную жизнь людей соответствующей эпохи. За решение этой задачи взялся еще в конце 60-х годов Т. Ниппердей, исходивший, правда, скорее из традиционных представлений об антропологических константах⁹. Позже "историческая антропология", использовавшая теоретические подходы англосаксонской этнографии и "культурной антропологии", ввела в оборот то понимание культуры, которое и лежит в основе моих рассуждений. Под культурой понимаются те многообразные формы, в которых индивиды, группы или целые общества выражают свои потребности, переводя их на определенный "культурный язык". Они пользуются для этого, с одной стороны,

⁴- Одиссей, 2000

общими для всех действующих лиц, средствами, но, с другой стороны, являющимися и предметом разногласий между ними, - языком, символами, которые могут закрепляться или же изменяться в процессе производства и воспроизводства культурных моделей. Поскольку культура служит индивидам, группам или обществам для выражения их потребностей, она тесно связана с неравным социальным, экономическим и политическим распределением влияния, богатства и власти и, в свою очередь, влияет на него. Поэтому культура всегда спорна и изменчива. Культурное производство не есть, разумеется, прерогатива отдельных слоев, например элиты, или же отдельных лиц - художников в широком смысле слова. В обществе каждый, от придворного художника до уличного нищего — творец культуры. Только формы и возможности выражения, доступные им, конечно, неодинаковы.

Я сознательно говорю не о культурной "системе", а о культурном многообразии: этим подчеркиваются разломы и оттенки в культуре, возникающие вследствие различий социальных, экономических и политических интересов мужчин и женщин, представителей различных рас и классов, а также разных возрастных слоев. Принадлежность к той или иной из этих категорий может обусловить специфическое "усвоение" культурного "материала", предлагаемого обществом. Развитие культуры является поэтому результатом множества индивидуальных - частью противоречивых - решений и кристаллизации таких решений в культурные модели, перенимаемые прочими членами общества. О системном характере культуры можно говорить разве что только при "взгляде с высоты птичьего полета", от которого ускользают все ее многообразные нюансы.

На разработку нового понятия культуры претендует прежде всего историческая антропология. Но обратимся к ее "белым пятнам" и проблемам. Не существует единого мнения по поводу того, что же такое "историческая антропология": направление в науке, специальная дисциплина, особый взгляд или нечто иное¹⁰. Ее предмет не определен. Если согласиться с Р. ван Дюльменом утверждающим, что в настоящее время происходит "смена парадигмы", историческая антропология могла бы претендовать на роль ведущей исследовательской концепции исторической науки¹¹. Насколько серьезны эти притязания? На сегодняшний день историческая антропология представляется неким преднамеренно неопределенным собирательным обозначением для исследований, в которых делается попытка компенсировать недостатки иных подходов. В редакционной статье, открывающей первый номер журнала "Historische Anthropologie" (1993), слабые стороны традиционной политической истории уже не обсуждаются; на первом плане теперь стоят недостатки "исторической социальной науки". Ее обвиняют, помимо европоцентризма, в том, что в анализ общества не включаются в достаточной мере ни индивидуальный опыт, ни культурные, в особенности символические, формы социального действия. Такое оп-

ределение от противного может служить самоидентификации группы исследователей, но вряд ли является дефиницией "парадигмы". Складывается впечатление, что протагонисты исторической антропологии сознательно устраняются от теоретизирования и следуют лозунгу "anything goes" (все сгодится)¹². Если для тех, кто ратует за максимальный плюрализм в рамках дисциплины, этот лозунг и может быть привлекателен, то для формулирования новой парадигмы этого недостаточно. Отказ от всеохватности можно рассматривать как проявление постмодернистского духа, однако это не превращает социальную историю в "историческое культуроведение".

Чтобы проникнуть в тайну грядущей неведомой парадигмы, полезно обратиться к тому, что говорят о себе сами немецкие приверженцы исторической антропологии¹³. Прежде всего они подчеркивают свои расхождения с "исторической социальной наукой". Исследование деятельности, восприятий и опыта отдельных людей возможно, на их взгляд, только средствами герменевтического понимания, культурной герменевтики - через осознание и реконструкцию "эмических" (т.е. присущих самим действующим лицам) категорий - и/или с помощью осмысления отношений между исследователем и его предметом (характерное, например, для этнометодологии)¹⁴. Некоторые (в основном приверженцы распространенных в англо- и франкоязычных странах лингвистических подходов) заостряют внимание на многообразии конфликтных ситуаций в обществе и на связанной с этим роли текстов, являющихся материальным выражением ситуационно обусловленного понимания людьми самих себя и своего поведения. Общество, по их мнению, может мыслиться как внешняя рамка, в пределах которой действующие лица истории ведут "переговоры" о своем участии в политическом господстве и о своей доле в экономических, социальных и культурных благах; при этом распределение власти не в последнюю очередь зависит от спорных толкований смыслов. В зависимости от этих толкований оно определяется, проясняется, становится предметом "торга" и в результате определяется заново¹⁵. Историческая трансформация рассматривается как новое распределение или изменение позиций "переговаривающихся сторон", произошедшее по прошествии какого-то времени, в течение которого разрешались конфликты - например, по поводу роли двора как социального института, урегулирования политических разногласий или же по поводу отношения к внебрачной беременности.

Эта концепция предлагает более дифференцированные объяснения исторического действия, нежели "историческая социальная наука"; она подразумевает участие в нем множества действующих лиц, значимость которых признается одинаковой; следовательно, обнаруживается более децентрализованное понимание власти, позволяющее увидеть самые разные изменения в обществе, а не только "основные". Культуре придается более серьезная роль, а значение экономики, напротив,

сильнее релятивируется, благодаря чему и "предпосылки" действий, и механизм действий предстают в более дифференцированном виде. Исторические соотношения сил выглядят в такой перспективе более сложными и одновременно более хрупкими, нежели при системном подходе. Исторические процессы исследуются более дифференцированно, и потому эвристическая эффективность этой концепции выше. Говоря словами К. Гирца, богатство этой "теории" заключается в изобилии дифференций.

Историческая антропология могла бы внести вклад в создание "культурной истории повседневности", если бы не один ее недостаток: хотя благодаря микроисторическим исследованиям и были поставлены отдельные важные проблемы, мимо которых прошла "историческая социальная наука" с ее "центристской перспективой", новооткрытые аспекты не были сведены в "парадигму" общественного процесса - вопреки заверениям в обратном¹⁶. Приверженцы исторической антропологии объясняют это тем, что время больших теорий якобы прошло, и даже теории среднего уровня, которыми чаще всего пользовалась "историческая социальная наука", теперь уже никого не привлекают. Однако тем самым историческая антропология лишает себя возможности связать разнообразные микроисследования воедино и превратить их в сетку новых истолкований истории, чтобы от дифференцированных логик локальных контекстов прийти к целостному описанию исторической эволюции культуры¹⁷.

Исследователи историко-антропологической ориентации используют, зачастую без размышления, многие положения "исторической социальной науки". Я имею в виду такие расхожие объяснительные модели, как "процесс цивилизации", "дисциплинирование", "процессы аккультурации", "утверждение рыночных отношений", "расширение правовой сферы" (например, в локальных сообществах) или "возникновение государства современного типа"; у Н. Шиндлера и особенно у Р. ван Дюльмена эти модели играют главную роль при объяснении перемен, происходящих в "малых мирах"¹⁸. Но это концептуальное наследие "исторической социальной науки" очень значительно и никак не согласуется с заявленными антицентристскими принципами; что касается теорий модернизации, то можно спорить об их присутствии как в исторической антропологии, так и в социальной истории. Вероятно, каждый автор хватается за "билефельдскую соломинку", потому что, хотя дифференцирование, к примеру "процесса цивилизации" по полам, ситуациям, сословиям и т.д. можно продолжать до бесконечности¹⁹, каждый хочет в конце концов представить обобщающую интерпретацию, которая якобы дает право "поставить точку".

Итак, вопреки разговорам о смене парадигмы индивидуальные или групповые стратегии зачастую притягиваются к процессуальным категориям, весьма небесспорным образом представляющим историю в виде процесса; они, во-первых, в принципе исходят из идеи единого напра-

вления развития, во-вторых, имплицитно заключают в себе представление о трансформации систем как о доминирующем процессе, на который действующие лица истории в основном реагируют, а не сами его определяют, в-третьих, претендуют на адекватную характеристику всего исторического процесса с помощью лишь одного интерпретационного концепта, такого, как "дисциплина", "цивилизация", "конфессия" и т.д., постоянно рискуя воспроизвести в историографии господствующий дискурс изучаемой эпохи²⁰.

Не грозит ли историкам опасность, используя такие концепты, как "процесс цивилизации" или "конфессионализация", в итоге просто провозглашать идеалы "цивилизующих", "конфессионализирующих", "дисциплинирующих" и т.д., помещая "цивилизированные нравы", "конфессионализованное поведение" или "дисциплину" во главу исследования и затем с легкостью перенимая соответствующие нормативные представления? Не дублируем ли мы дискурс (!) реформаторов того времени (т.е. XVI в. и последующих), определявший, что важно и что правильно, когда сегодня мы это же снова объявляем важным (и, стало быть, достойным изучения) и, возможно, имплицитно считаем правильным, т.е. функционально необходимым для "возникновения человека нового времени" или "государства современного типа"? Заимствование теорий из "исторической социальной науки" остается на сегодняшний день одной из нерешенных проблем исторической антропологии и истории повседневности, и эта проблема не устраняется в результате попыток имплицитно или эксплицитно применять социологические "теории действия". Новая, парадигматическая интерпретация культурных изменений пока не намечалась.

Чтобы микроисследования помогали приблизиться к ответам на вопросы о культурных процессах в масштабах целых обществ, необходимо прежде всего усвоить одну важную гносеологическую предпосылку²¹: модели, опирающиеся на "теории действия", которые объясняют общество, а значит и происходящие в нем процессы, исключительно либо преимущественно решениями исторических субъектов - сознательными, рациональными или продиктованными обычаем — недостаточны. Эти так называемые теории рационального выбора не учитывают, что, во-первых, действия включают в себя не только сознательные компоненты²², во-вторых, действия иногда влекут за собой непредвиденные последствия и, в-третьих, действия и мотивы отдельных индивидов и групп еще не объясняют различных результатов действия тех или иных лиц, даже если бы все они действовали только рационально и без побочных эффектов. Поэтому историко-антропологические исследования, раскрывающие перед нами образ и мотивы действий сколь угодно многих индивидов и групп со всей возможной многослойностью, не способны объяснить исторический процесс в целом. Иными словами, если историческая антропология задается вопросом о культурных процессах, ей не обойтись без "системного уровня".

Едва ли возможно удовлетворительно объединить результаты историко-антропологических исследований, не учитывая трансформаций общества в целом; невозможно обойтись без косвенного привлечения телеологических процессуальных категорий; трудности вновь и вновь проникают "через заднее крыльцо". Того, кто утверждает, что он изучает только людей, действующих в истории, и его мышление свободно от категорий системных изменений, эта проблема настигает вновь и вновь²³. Но чтобы преодолеть описанные недостатки расхожих теорий исторического процесса, нужно эти теории преобразовать сообразно потребностям такой культурной истории, которая вбирала бы в себя важные положения историко-антропологических исследований. Необходимо ревизовать то, что достигнуто социальной историей, и после такой ревизии эти достижения возможно использовать.

Что касается роли "модернизационно-теоретических" концепций исторических процессов, то можно как минимум констатировать, что на сегодняшний день очевидна обратимость, а значит, разнонаправленность или нетелеологичность структуры исторических изменений²⁴. Сегодня уже невозможно, как это делали авторы всеохватных теорий, призванных объяснить исторический процесс, объявлять этот процесс односторонним, а все то, что выходит за его рамки, считать лишь временными отклонениями. Когда мы говорим о "процессе цивилизации", следует постоянно иметь в виду и "процесс децивилизации" - вспомним хотя бы ситуационно-специфическую вариативность порога стыдливости, эволюцию способов ведения войны, глобализацию голода и бедности. То же самое касается, например "расширения правовой сферы" в отношении уличного насилия: на протяжении XVIII-XX столетий происходит разделение на сферы компетенции полиции и социальных служб, и та часть проблемы, которую берут на себя социальные работники, выводится из сферы права; происходит "сужение" последней²⁵. Подобным же образом можно было бы констатировать противонаправленные тенденции "секуляризации-десекуляризации" или даже "монетаризации-демонетаризации"²⁶.

Объяснения исторического процесса должны стать открытыми интерпретативными эвристическими конструкциями, признающими амбивалентность исторических изменений²⁷. На практике это означало бы, что историческая дисциплина, которая (самое позднее с эпохи Просвещения) обнаруживает неспособность объяснить "движение мира", отказалась от претензии на исчерпывающее объяснение. Давно пора расстаться с этой сомнительной просветительской претензией, что и сделали смежные дисциплины. Например, в социологии подобные соображения являются уже частью широко распространенных теорий, связанных с дискуссией о "парадоксе модернизации"²⁸. Нормативный характер основных терминов, с помощью которых описываются системные изменения, в настоящее время тоже подвергается сомнению - это относится, к примеру, к таким конструктам, как "расшире-

ние правовой сферы" или "утверждение рыночных отношений". Этнология и социология права открыли большие возможности урегулирования конфликтов, заключенные в неюридических техниках, которые и в постиндустриальных обществах играют значительную, а в некоторых случаях возрастающую роль (например, переговоры о тарифах, интернациональные усилия по улаживанию споров), так что формализованное урегулирование в рамках специализированных институтов не может более безусловно рассматриваться как нормативно желанный индикатор "современности"²⁹. Экономическая антропология подчеркивает роль нерыночных форм обмена³⁰. Изучение экономики развивающихся стран показывает, что утверждение рыночных отношений может значительно ухудшить шансы людей на выживание, поэтому для однозначно положительной либо отрицательной оценки этого феномена оснований нет³¹.

Историкам, если они не хотят угодить в нормативные ловушки собственных устаревших концепций, следует воспринять все эти выводы как помощь со стороны смежных дисциплин. Для того чтобы процессуальные категории, описывающие изменения систем, оказались применимыми в новой, историко-антропологически ориентированной историографии, необходима серьезная и глубокая перестройка понятийного аппарата: следует отказаться от нормативных высказываний, предопределяющих направление исследовательской мысли, обратившись к нейтральным концепциям, предусматривающим по крайней мере два варианта выводов. Следует помнить, сколь различны позиция исследователя, постоянно имплицитно убеждающего себя и других в том, что развитие идет в сторону лучшего - цивилизованности, секулярности и т.д., и позиция того, кто с самого начала обращает свой взор на амбивалентности.

И наконец, перестройка теоретической базы предполагает признание того, что теперь уже немислимо только лишь историописание, базирующееся на "master-narratives"*, основные положения которого якобы адекватно описывают всю действительность. Поскольку исторические процессы могут иметь совершенно разные последствия для разных участников, придется идти на риск одновременного выдвигания противоречивых интерпретаций. Конкретным примером этого является - наряду с активно дискутируемой эпохой национал-социализма³² - оценка Великой французской революции. Разумеется, ее можно интерпретировать как переломное событие на пути к расширению спектра участников политической жизни, экономическому равенству и т.п., т.е. как этап движения к "современности". Вместе с тем отмена династического принципа наследования, как известно, принесла более полное, чем прежде, отстранение женщин от участия в принятии политических

* "Главные рассказы" (англ.), т.е. наиболее авторитетные и общеобязательные версии исторических событий и процессов. - *Примеч. пер.*

решений. Права человека, как известно, были задуманы как права мужчин³³. После появления избирательных законов прошло около ста лет, прежде чем женщины были допущены к урнам. Относительно того, какая часть членов представительных органов власти приходится на долю женщин, сегодня ни у кого уже не остается иллюзий. Изменение политических технологий в сторону большей формализации сократило возможности женщин для участия в политике. В XIX в. они, бесспорно, вступили с меньшим количеством прав и возможностей участия в политике, чем это было в XVIII в. Если не считать, как прежде, вопрос о политическом и правовом статусе "большой половины" человечества не стоящей внимания проблемой и не списывать его на счет временного отката назад, то в истории в целом положительно оцениваемой Французской революции и ее прямых и косвенных последствий "главные рассказы" необходимо преобразовать в эвристические категории. Пусть они не будут объяснять так много, как прежде, но зато не будут и столь многое ложно истолковывать. Если же таким преобразованием пренебречь, эти "master-narratives" в скором времени изживут себя, потому что уже не соответствуют новым достижениям науки - например современной исторической демографии или тендерной истории. Намеченные преобразования теоретического инструментария - это лишь необходимая предварительная работа. Назревшее решение проблем, связанных с построением нового здания культурной истории на фундаменте истории социальной, еще впереди. Если, например, основательнее заняться вопросом, как включить результаты микроисторических исследований в описание исторических изменений, то вскоре выяснится, что для этого необходима более широкая теоретическая база.

Из того, что представлено в настоящий момент "на рынке теорий", привлекает внимание один методологический продукт, который стоит рассмотреть подробнее. Речь идет об идеях Пьера Бурдьё, активно используемых в исторической антропологии, в частности о понятии *хабитуса* — некой усвоенной модели поведения, позволяющей индивидам уверенно чувствовать и вести себя в обществе, не в последнюю очередь благодаря сокрытию их интенций от собственных и чужих глаз³⁴. Это поведение одновременно репродуцирует или, согласно новейшим модификациям данной теории, видоизменяет общественную структуру распределения в поле социальных отношений, где действующие лица объединяются в эмпирические классы. Эти классы при известных условиях могут соответствовать и теоретически определяемым социальным классам. Чтобы преодолеть наблюдавшееся в начале 70-х годов засилье экономического детерминизма марксистского типа, Бурдьё проводил различие между тремя формами капитала, которым располагают люди (экономический, социальный и культурный капитал)³⁵. Тем самым он как бы объявил равноправными три сферы социального действия индивидов, которые могут быть связаны между собой при определенных транзакциях.

Здесь не место для обстоятельного разбора тех интеллектуальных констелляций, в которых родилась теория Бурдьё, представлявшая собой в то время, несомненно, важный концептуальный шаг вперед. За прошедшие годы ясно обозначились и ее слабые стороны. Концепция хабитуса оценивает значимость собственных интенций исторических субъектов более низко по сравнению с тем, какую роль им по праву отводит историческая антропология. Бурдьё, видимо, разделяет гипотезу, согласно которой структуры действуют "за спиной субъектов". Тем самым за структурами снова признается некая собственная жизнь, что было бы приемлемо разве только для структурного функционализма. Кроме того, у Бурдьё слишком большую роль играет обман и самообман. Вполне возможно, что действующие лица иногда питают некоторые иллюзии относительно своих возможностей и мотивов. Но нельзя же на этой основе объявлять людей вечными "историческими недоумками", руководствующимися ложными представлениями о господствующих структурах³⁶. Правда, эволюция этой теории - от "репродукции" структур к их "изменению" под влиянием действий индивидов - указывает, очевидно, на то, что со временем Бурдьё стал более высоко оценивать структурообразующий эффект человеческой деятельности. Но роль экономического капитала по сравнению с двумя другими формами он, на мой взгляд, по-прежнему преувеличивает³⁷. Сегодня мы знаем, что и обитатели трущоб имеют вполне ясные представления о собственном человеческом достоинстве. Брехтовская формула "сперва жратва, мораль потом" цинична и неверна. Соответственно и реконструкцию исторических обществ необходимо производить, освобождаясь от латентного экономического детерминизма. У Бурдьё это, вероятно, издержки марксизма и гегельянства альтюссеровского толка, типичных для его эпохи. В культурную историю будущего такое теоретическое наследие брать с собой вряд ли следует.

Параллелизм экономического, социального и культурного у Бурдьё оказывается неприемлемым для "новой культурной истории" и еще с двух точек зрения: во-первых, вне рассмотрения или на самом заднем плане остаются целые области, такие, например, как политика. Во-вторых, разделение на три сферы, предпринятое Бурдьё с эвристическими целями, вызывает иллюзию их реальной разделенности и равновесности. Проектируемая же "культурная история повседневности" исходит из интегрального представления о культуре и полагает, что культура есть медиум, воспринимающий воздействия со стороны прочих сфер (экономической, социальной, политической, религиозной) и их структурирующий. Например, вопрос, что значит иметь деньги, знания, связи или не иметь их, представляет собой предмет культурного "торга". Поэтому равнозначность экономической или социальной сфер ею признана быть не может.

Подчеркивая важную, принципиальную дистанцию, отделяющую меня от этих позиций, я выношу на обсуждение свою версию "новой

культурной истории", которая, как мне представляется, могла бы объединить достижения социальной истории и исторической антропологии. Чтобы отграничиться от прежних подходов к истории культуры и подчеркнуть связь с новой социальной историей, я предлагаю для своего исследовательского проекта название "культурная история повседневности" (Alltagskulturgeschichte). Исходной теоретической посылкой могла бы стать теория "стилей жизни", разрабатываемая на основе социологического понятия о "стилях" поведения".

В социологии "стили поведения" определяются как сравнительно стабильные модели поведения индивидов, групп или обществ при столкновении с определенной проблемой (например, способ принятия родов, добывание пропитания, отстаивание чести, общение с богами, сватовство). В "стиль", осознанно или неосознанно, входят также экономическое и социальное положение, усвоенные культурные "веяния времени"; но в наибольшей степени поведение определяют все-таки решения самих действующих лиц, хотя это никогда не является единственным детерминирующим фактором. "Стиль жизни" - более общая категория, нежели стиль поведения. "Стиль жизни" можно охарактеризовать как сравнительно устоявшийся тип решений, принимаемых индивидами или группами, делающими выбор из предлагаемых им обществом вариантов поведения. Индивиды, группы или общества могут целенаправленно культивировать стили жизни, чтобы тем самым обозначить социальные различия и сформировать свою идентичность.

Теория стилей жизни обрела значимость в связи с тем, что современная социология ищет более адекватный инструментарий для изучения постиндустриальных обществ, чем стратификационные модели³⁸. Эта теория отводит важную роль образу жизни (Lebensführung) - проблеме, которой занимался еще Макс Вебер, и индивидуализации жизненных стилей³⁹. Она стремится выйти за рамки узкого понимания хабитуса, подчеркивающего запрограммированность поведения, задаваемую социализацией, и уделить больше внимания индивидуально принимаемым решениям. Конститутивными факторами стиля жизни являются целостность (Ganzheitlichkeit), добровольность, характер или своеобразие, распределение шансов стилизации и склонность к ней. Добровольность означает лишь возможность выбора, но никоим образом не подразумевает, что автономные индивиды полностью свободны в своем выборе. Свообразие (характер) стиля жизни определяется рядом его отличительных качеств. Распределение шансов - это социальные и ситуационно обусловленные возможности и границы. Стили жизни можно определить как «структурированные во времени и пространстве модели образа жизни, которые зависят от ресурсов (материальных и культурных), от типа семьи и хозяйства, а также от ценностных установок. Ресурсы определяют жизненные шансы, возможности выбора в каждой данной ситуации; тип семьи и хозяйства есть характеристика экзистенциальной, жилищной и потребительской ячейки; и на-

конец, ценностные установки определяют главные жизненные цели, формируют ментальности и выражаются в специфическом хабитусе"⁴⁰. Возражение, что до возникновения общества массового потребления или тем более при "старом порядке" соответствующих возможностей выбора стиля жизни не существовало, сути дела не меняет. С одной стороны, сегодня благодаря экономическим и социальным переменам возможности культурного выбора стали гораздо шире по сравнению, например, со средневековьем и ранним новым временем, но, с другой - возникли новые формы принуждения. И если кто-то полагает, что в прежние времена одни лишь верхние слои общества были свободны в своих действиях, а низшие - нет, то ниже он найдет эмпирические данные, опровергающие это воззрение с помощью конкретных примеров⁴¹.

Теория стилей жизни могла бы способствовать взаимному обогащению "исторической социальной науки" и исторической антропологии, так как она способна воспринять то плодотворное, что в них есть. Она «соединяет микро- и макроуровень исследования и представляется особенно подходящей для комплексного анализа социальных структур, поскольку тот прослеживает изменения как социальной стратификации, так и структуры домашнего хозяйства, избегая при этом всякого "структурализма" и "экономизма"...»⁴².

В результате такого анализа выявляются как структурообразующий эффект поведения индивидов и групп, так и обратное воздействие социальных структур на поведение людей. Теория стилей жизни и поведения позволяет эмпирически применить сформулированное выше понимание культуры, не противопоставляя друг другу свободно принимаемые и структурно обусловленные решения, а рассматривая их наравне. Соотношение свободных стилистических решений и навязанных стилистических норм следует эмпирически определять в каждом отдельном случае, имея в виду, что основное — это заинтересованность в сравнительно устойчивых вариантах поведения. Само собой разумеется, интерес к закрепившимся стилям не исключает внимания к переломам и поливалентностям, равно как и к изменяющимся в течение человеческой жизни или в зависимости от ситуации формам поведения, поскольку именно они зачастую представляют собой отправные точки последующих исторических перемен. Данная теория, таким образом, предполагает возможность дехабиитуализации, которую не рассматривает Бурдьё. В то время как изучение стилей поведения может быть плодотворным при исследовании поведения конкретных исторических субъектов в конкретных ситуациях, анализ стилей жизни более непосредственно подводит к изучению социальных групп и целых обществ. Теория стилей жизни и поведения, таким образом, в достаточной степени годится как для очень детальных микроисследований и сравнительных культурных исследований в том или ином конкретном аспекте, так и для изучения "образования классов" в культурном поле и для

изучения целых обществ. Это помогло бы положить конец неплодотворным взаимным обвинениям в экономизме и культурализме. Ни одна из этих редукций действительности не обеспечивает прорыва к новой парадигме.

Поскольку новая, социально ориентированная культурная история интересуется в первую очередь повседневными человеческими проблемами, следовало бы попытаться реконструировать мотивы и образ действий людей, исходя прежде всего из их собственного видения ситуации. В споре о разделе экономических, социальных, политических и культурных ресурсов общества действующие лица располагают неодинаковыми экономическими средствами (например, деньгами), политической властью, социальными связями (и основанным на них влиянием) и культурными навыками (языковыми или иными средствами выражения). Способы их поведения в борьбе за раздел социальных ресурсов индивидуальны и вариативны в зависимости от групповой принадлежности, но никогда не произвольны. Поэтому различные индивидуальные образцы поведения, тесно связанные с экономическим, политическим, социальным и культурным капиталом, которым располагают субъекты, могут быть сгруппированы в "стили поведения", а эти в свою очередь - в "стили жизни" индивидов либо групп. Для этих аналитических категорий конститутивной является, конечно, позиция исследователя, смотрящего на объект извне. Он не предается иллюзии, присущей неисторизму с "культурно-герменевтическим оттенком", будто способен в силу собственного понимания реконструировать чужой мир.

При таком подходе культурные изменения предстают как перестройка общественной структуры распределения. Проиллюстрирую сказанное примерами стиля поведения и стиля жизни. Жизнь, исполненная достоинства, снискание чести и достоинства и отстаивание их перед другими представляют собой проблему такого масштаба, что она - по крайней мере, в раннее новое время и в XIX столетии - могла решительно влиять на весь стиль жизни человека. Тем не менее я представляю ее здесь как пример *стиля поведения*, поскольку в стиль жизни входит множество типов поведения, и данный тип касается не только сохранения чести, но и предопределяет способ решения самых различных проблем. Забота о сохранении чести имела место в самых разных жизненных ситуациях. Можно было продемонстрировать свой статус почтенного человека разными способами, например с помощью роскошно отделанных скамей в церкви или с помощью одежды. Здесь будет рассмотрен только один аспект проблемы, а именно - оскорбление чести и достоинства в словесной форме, которое могло привести к судебной тяжбе. Такая суженная постановка проблемы, помимо прочего, нагляднее покажет, что речь идет лишь о стиле поведения, но не о стиле жизни.

Исследованные мною случаи, имевшие место в Париже в XVIII в.⁴³, позволяют эмпирически реконструировать стили поведения. Люди той эпохи в общем вели себя - независимо от социального поло-

жения — сравнительно сходным образом, когда считали, что их чести нанесен урон. В устном изложении обстоятельств дела полицейскому комиссару и затем в процессе разбирательства вновь и вновь обнаруживалась одна и та же логика действий в ходе конфликта. Вначале обидчик своим странным и вызывающим поведением ставил под угрозу дотоле ничем не омраченные отношения с истцом, а также мирные отношения в обществе. Потом произносились первые оскорбительные слова, которые по ходу дела нередко становились все крепче. Зачинщиками свары могли быть дети или работники, но постепенно в конфликт вовлекались хозяйки и главы семейств. Примерно в каждом втором случае дело доходило и до рукоприкладства, причем насильственные действия следовали той же логике постепенной эскалации. Что означали угрожающие жесты, понимали все люди того времени, и вначале конфликт можно было еще уладить мирным путем. Однако зачастую одна из сторон была заинтересована в том, чтобы придать ему огласку посредством публичного оскорбления достоинства противника. Следовала вспышка насилия, которую гасило вмешательство соседей, затем об инциденте доносили комиссару полиции. В заявлении пострадавшие изъявляли пожелание восстановить свою честь, а в некоторых случаях требовали также материальной компенсации. После этого делом занимался комиссар: разбор гражданских исков перешел в его компетенцию из сферы ведения судьи.

Индивидуальный смысл того или иного поведения раскрывается в текстах жалоб и протоколах. По ним можно составить представление о том, что и как можно было рассказать комиссару полиции, чтобы его убедить; господствующий дискурс очерчивает рамку, в которую вписываются высказывания на тему чести и достоинства. Главный момент — представление истцом себя как субъекта миролюбивого. Параллельно высказываются личные оценки собственного и чужого поведения, по которым можно проследить процессы осмысления истцом окружающей действительности⁴⁴.

Конфликты, связанные с защитой чести и достоинства, предоставляли массу возможностей для индивидуального стилиобразования. Так, могли вырабатываться сложные групповые стратегии, когда в конфликт последовательно включались все более и более важные персоны; можно было приготовить хитроумные уловки и финты; устроить театральные сцены — например, с экспрессивным, сопровождаемым крепкими выражениями разламыванием или разрыванием принадлежащих побежденному противнику предметов; наконец, могли совершиться символические или просто жестокие действия в отношении друг друга. Не будем здесь углубляться в эти варианты формирования стиля поведения, отметим лишь, что они демонстрируют конститутивную для социологического понятия "стиль" свободу выбора даже в таком высокоритуализованном поле деятельности, как конфликт по поводу оскорбленной чести.

Для того чтобы продемонстрировать эффективность теории стилей поведения в "культурной истории повседневности", важнее указать на обратное действие, которое оказывают выбираемые стратегии на структуры. В материале источников наряду с описанной общей структурированностью таких конфликтов как особой культурной формы выявляются также и различные стили поведения субъектов, поразному пользующихся этой структурной возможностью посягательства на чужую честь. Стиль поведения как "стабилизированный выбор" эмпирически предполагает существование разных случаев; ход одного единственного конфликта еще не позволяет говорить о стиле. На основе дошедших до нас парижских источников (помимо налоговых списков, списков городской бедноты и т.д.) оказывается возможным — как это часто бывает при исследовании судебных актов больших городов — реконструировать применительно к каждому лицу чаще всего только один случай⁴⁵. Поскольку действующие лица появляются перед нами обычно лишь единожды, зафиксировать их индивидуальные стили поведения трудно, но это вполне возможно по отношению к родовым кланам, профессиональным либо сословным "классам" или слоям.

Можно констатировать, что женщины, отстаивая свою честь, в целом реже, нежели мужчины, прибегали к насилию и не пользовались серьезным оружием⁴⁶. Но если все же они к нему прибегали, то действовали быстрее, без предварительных угрожающих жестов ("барокко угроз"). Мужчин женщины оскорбляли, недвусмысленно высказываясь по поводу их сексуального достоинства, в то время как между самими мужчинами такие нападки были не в ходу. Женщин же как мужчины, так и женщины обзывали почти исключительно "шлюхами", т.е. собственный образ и образ другой стороны конструировались по-разному: расхождение между тем, что мужчины считали в себе важным, и тем, во что метили женщины, было больше, чем в обратной ситуации, так что стрелы мужских обвинений чаще попадали в "яблочко". Женщины же неверно истолковывали мужское самопонимание: мужчины полагали, что их честь и достоинство больше всего зависят от способности обеспечивать семью, от ранга, от находчивости и в наименьшей степени от их сексуального поведения. И если мужчины воспроизводили в своих речах расхожее представление о месте и роли женского пола, то женщины подтверждали его лишь отчасти, воздерживаясь от чрезмерного насилия и обзывая друг друга "шлюхами", и одновременно опровергали его, быстрее переходя к насильственным действиям и пытаясь уязвить сексуальное достоинство мужчин. На данном примере видно, как структуры аскриптивных тендерных ролей могут одновременно воспроизводиться и подвергаться изменениям. Обратное воздействие, которое стиль поведения оказывает в долговременной перспективе на социальные структуры, можно назвать амбивалентным: на первом плане могут стоять и стабилизирующие факторы, но заметны переломы и выбор в пользу изменения соотношения тендерных ролей.

Разница стилей поведения в конфликтах по поводу оскорбленной чести проявляется также при сравнении поведения так называемой элиты, понимаемой в данном случае как верхний слой в имущественной и социальной структуре, и всех остальных слоев общества. Правда, стилистические элементы, относящиеся как к "народной", так и к "элитарной" культуре — экспрессивное поведение, магические или им подобные действия, намеки на скатологическую сферу, осмеяние и т.п. — могут быть отмечены применительно к обоим "эмпирическим классам", однако склонность к применению насилия в конфликтах по поводу чести в среде элиты была, похоже, меньшей, нежели в других слоях⁴⁷. Аристократы не так легко решались переходить от вербальных оскорблений к оскорблению действием. Если такое поведение встречается регулярно и, следовательно, может быть зафиксировано как стиль поведения высшего слоя общества, оно имеет дистинктивное значение: этот социальный слой в XVIII в. стремился таким поведением отграничить себя от других слоев и тем самым обозначить свою идентичность. Как видим, поведение в вопросах чести может оказывать влияние на образование классовых структур.

Стили поведения субъектов, входящих в определенные "классы", эмпирически сформированные на основе стилей поведения, создают более сложные отношения в культурной области, нежели те, которые обнаруживает простой классовый анализ, рассматривающий такие параметры, как сословная принадлежность, доход, образование и т.п. Следует учитывать также, что в большинстве сообществ господствующие формы поведения в значительной степени определяются нравами представителей высших слоев, верхушки общества, и поэтому всегда являются предметом особого внимания⁴⁸. Во всяком случае, и здесь заметны обратные воздействия стилей поведения на структуры распределения влияния в рамках общества. Еще один тому пример — растущее число посягательств на честь лиц, занимающих более высокое общественное положение. Такие нарушения "межклассовых границ" являются, очевидно, зачаточной формой "расшатывания" существующей иерархии. Насколько вследствие этого изменится распределение экономических и политических ресурсов в данном обществе, зависит от того, сколько индивидов переймут такой стиль поведения.

На нашем примере можно продемонстрировать также и воздействие, оказываемое культурными практиками и на экономические структуры. В контексте дискуссии о "моральной экономике" стало ясно, что в обществах XVIII в. борьба велась по поводу двух различных моделей распределения ресурсов⁴⁹. Речь шла о выборе между "достойным пропитанием сообразно положению" для всех и распределением, определяемым не потребностями, а рыночными ценами. Правда, не так легко определить конкретные социальные группы, являвшиеся носителями той или иной из этих двух концепций, как предлагал изначально Э.П. Томпсон: купцы далеко не всегда выступали за рыночные цены, а

ремесленники и крестьяне - за моральную экономику "достойного пропитания". В конфликтах по поводу оскорбленной чести спор тоже часто исходил из понимания этой альтернативы. Конфликт мог разгореться из-за того, что после долгих отсрочек кредитор наконец решительно требовал уплаты долга, на что должник нередко отвечал, что его честь не позволяет ему удовлетворить это "дерзкое" требование. При этом обнаруживаются поразительно идентичные понятия о чести у должников как из аристократов, так и из гольфильбы: и у тех, и у других они восходят в конечном счете к антирыночной концепции "достойного пропитания". Наряду с этим ссылки на честь могли служить и вполне индивидуалистическим имущественным интересам - взысканию просроченной квартирной платы и т.п. В этих случаях оскорблением объявлялось невыполнение требования.

Таким образом, спор о принятых в обществе способах приобретения материальных благ просматривается также в культурной форме конфликта по поводу оскорбленной чести. Почему считается, что все эти практики повседневной жизни не имеют значения для экономического развития общества, понять невозможно. Нельзя мириться с тем, что культурные практики низводятся до переменной величины, зависимой от экономического распределения. Ведь тот, кто, требуя свои деньги, постоянно вступает в конфликты по поводу оскорбления чести, живет в совсем иной экономике, нежели тот, кому в таких вопросах приходится говорить только о финансовой стороне дела.

И наконец, практика этих конфликтов оказывает влияние также на авторитативное урегулирование противоречий в обществе, называемое обыкновенно "политикой". Для политических структур имеет большее значение то, как контролируется потенциал насилия в обществе. За тридцать лет до Великой французской революции бюрократия во Франции вступила на путь усиленного преследования за преступления против собственности и одновременно отказалась от наказаний за "незначительные" акты насилия⁵⁰. Но готовность населения к совершению таких актов в делах отстаивания чести не стала меньше. Повседневные действия, проявлявшиеся в общем стиле поведения в случаях, связанных с оскорблением чести, в конце концов привели к изменению структуры разрешения конфликтов во французском обществе. Слишком большой спрос на судебный разбор побудил политиков частично вывести этого рода дела из сферы юстиции. Улаживание подобных конфликтов переложили на плечи полиции, которая должна была решать вопросы в устной форме, что обходилось дешевле. Проблемы чести, которые прежде получали в комиссариате желанную для оскорбленного истца огласку в результате его устного заявления и формальной письменной жалобы, теперь разбирались в ускоренном порядке, что приносило меньше удовлетворения конфликтующим сторонам, поскольку их позиции не выяснялись публично и не находили достаточной официальной поддержки.

Итак, стили поведения могут быть выявлены — в зависимости от источниковой базы и постановки проблемы - применительно к индивидам или к "эмпирическим классам", таким, как половые, социальные или возрастные группы и т.д.; или позволяют объединять индивидов и группы в многомерные культурные кластеры. Воздействия, оказываемые стилями поведения на структуры распределения ресурсов в обществе, обнаруживаются в самых различных сферах: в нормативном распределении тендерных ролей, в образовании классов, в экономическом воспроизводстве и в политической организации урегулирования общественных конфликтов. Уже при образовании "эмпирических классов" играют роль "структуры" - пол, социальное положение, матримонимальный статус. Поэтому изучение стиля поведения позволяет проследить связь между структурами и действиями. Ее можно обнаружить, не выходя за пределы того, что связано с вопросами чести, во многих других сферах деятельности. Распределение почетных мест при дворе влияло на распределение экономических ресурсов; изменения в отделке церковных скамей отражали сдвиги в местном распределении социальных ресурсов; стремившиеся повысить свой социальный статус купцы украшали свои дома дорогим декором, чтобы таким образом заявить притязания на более высокое положение⁵¹. Эти примеры подтверждают, что культурные практики имеют огромное значение для "структур" общества и их изучение может оказать неоценимую помощь в выработке такого понимания исторического процесса, которое в должной степени учитывало бы собственные представления исторических субъектов о том мире, где они жили⁵².

Я предвижу возможное возражение, что избранный мною крупный город Париж не типичен для Европы и, поскольку его жители имели больше возможностей выбора стилей жизни, является слишком "удобным" примером для демонстрации стилей поведения. В сельской местности, где в раннее новое время проживало подавляющее большинство населения, особенно в поместьях, такие вольности были бы немыслимы⁵³. Поэтому теперь я обращаюсь к примеру стиля жизни в сельской местности. Если свобода выбора возможностей стилеобразования существует даже здесь, то можно себе представить, сколько открытий будет ждать новую культурную историю при изучении более свободных социальных условий!

В отличие от *стиля поведения*, о котором шла речь до сих пор, *стиль жизни* характеризуется большей всеохватностью. С помощью этого понятия описывается, "какую жизнь вели" исторические субъекты, группы и общества или как они решали различные жизненные проблемы.

Мои следующие ниже рассуждения опираются на исследования Палле Кристиансен о крестьянах в датском поместье в XVIII в.⁵⁴ Главным фактором культурного порядка, существовавшего в восточнодатском поместье Гисегорд, являлось то обстоятельство, что каждое поко-

ление крестьян-арендаторов должно было заново заключать договор об аренде, что открывало помещику простор для маневра⁵⁵. П. Кристиансен удалось, используя тексты этих договоров, реконструировать методом record linkage* применительно к периоду с 1750 по 1800 г. два различных стиля жизни в поместье. В противоположность традиции "исторической социальной науки" исследовательница определяет эти стили не с точки зрения универсалий или степеней соответствия критериям модернизации, а через отношение их друг к другу, образует категории, опираясь на воззрения людей изучаемой эпохи. Подход, принимающий представления самих действующих лиц в качестве исходного пункта эмпирического описания стилей жизни, позволяет историку в полной мере использовать заключенный в материале источника критический (антиидеологический) потенциал, отказавшись от употребления таких предзаданных категорий, как дисциплинирование, конфессионализация и т.п.

Носителей одного стиля жизни Кристиансен называет "работящими", другого - "фаталистами". Позже она вводит еще один стиль — "тихие". "Работящие" обустроиваются в арендованных ими усадьбах, наращивая поголовье скота — индикатор благосостояния. У них дом - полная чаша, о чем можно судить, к примеру, по тому, что они имеют значительно больше постельного белья, нежели необходимо в хозяйстве⁵⁶. Немногочисленных "работящих" - таких в деревне всего шесть-семь семей - все время приглашают быть крестными новорожденных, что свидетельствует о высоком авторитете, которым они пользуются в сообществе. Они часто дают в долг более мелким хозяевам, сами же долгов практически не имеют. Их дома и прочие постройки в лучшем состоянии, чем у других. Они редко занимаются нелегальной рубкой леса. Таким образом, черты их стиля жизни - высокое благосостояние и социальный престиж. Внешними признаками этого стиля служат качество и количество домашней утвари и жилых и хозяйственных строений. С их помощью стиль жизни может быть продемонстрирован и тем, кто не вступает в непосредственный контакт с "работящими", поскольку не берет у них в долг.

"Фаталисты" - это, согласно определению, данному управляющим поместьем, - "те, которые не пробиваются". Он называет их еще "веселящимися". В тяжелые годы они принимают вспомоществование от помещика; они зачастую оказываются не в ладах с законом; они завсегдаги трактира, где обильно трапезничают и не чураются потасовок. Их направленная вовне агрессия проявляется, в частности, в готовности поиздеваться над евреями, которых дорога заводит в поместье. "Фаталистов" почти никогда не выбирают в крестные. Представителей

* Соединение данных (англ.), т.е., выстраивание цепочки исторических свидетельств, относящихся к одному лицу или предмету. - *Примеч. пер.*

самой низшей части этой группы часто лишают своего участка за то, что они плохо на нем хозяйствуют. Наиболее характерный признак этого стиля жизни - частые попойки в трактире.

В противоположность им "тихие" демонстрируют незаметный стиль жизни. Они не делают серьезных долгов; кражей леса не занимаются; в суде редко бывают обвиняемыми, чаще - свидетелями, что говорит о том, что в сообществе их признают важными участниками процесса обнаружения истины. Но их социальный авторитет весьма ограничен, об этом можно судить по тому, что их крайне редко приглашают быть крестными. П. Кристиансен полагает, что стиль "тихий" в значительной мере сходен со стилем "фаталистов", и трактует его лишь как вариант последнего, так что в принципе она говорит только о двух стилях жизни - о "работающих" и "фаталистах". Приводимые П. Кристиансен описания показывают, что теория стилей жизни позволяет охватить широкий круг проблем: жизнеобеспечение и выходящее за его пределы богатство, поведение в долговых отношениях, бытовой комфорт, саморепрезентация вовне, отношение к общественному порядку, социальные роли в рамках локального сообщества и многое другое.

Названные три стиля жизни наблюдаются как среди арендаторов, так и среди батраков и безземельных хусманов. Эта последняя группа населения пополняется за счет социально деградирующих элементов, но в ней есть и те, кто способен "пробиться": помещик может переселить их на запущенные усадьбы, чтобы они вновь поставили хозяйство на ноги. Выбор стиля жизни, таким образом, зависит не только от социального положения.

Социальное значение стилей жизни исследовательница демонстрирует на примере арендной платы. Для "работающих" ее уплата означает действие, обеспечивающее им свободу от нежелательного вмешательства помещика в сферу, которая воспринимается ими как "своя" и включает их жизнь и хозяйство. Для "фаталистов" ("веселящихся") же это означает заплатить ровно столько, сколько нужно, чтобы сохранить право дальше арендовать усадьбу. Цель их жизни - максимум радости в каждый данный момент. Им не кажется бесчестьем плакаться управляющему на свою бедность, чтобы получить вспомоществование. Осуществляемая исследовательницей реконструкция культурных смыслов, опирающаяся на высказывания участников событий, на замечания управляющего, а также на сведения о социальной структуре населения, обнаруживает возможности свободного выбора для крестьян-арендаторов даже в весьма уравнивательных условиях поместного землевладения.

Кристиансен пишет, что выявленные ею стили жизни встречаются в разных пропорциях (в зависимости от интенсивности контроля со стороны помещика) на протяжении очень длительного периода - примерно с 1500 по 1850 г., и их результат — интергенерационная циклическая социальная подвижность, проявляющаяся в изменении состава

главных групп "работящих", "фаталистов" и "тихих". Кроме того, эти стили обнаруживаются на огромных географических пространствах, где существовали самые разные аграрные отношения. Это важный аргумент против модернизационных концепций и свидетельство значительных амбивалентностей, имеющих место в процессе "утверждения рыночных отношений": решения исторических субъектов относительно стилиа их собственной жизни одновременно делали этот процесс возможным и тормозили его.

Воспроизводство этой культуры отражается во взаимном воспроизводстве стилей жизни в отношениях между группами и в деятельности помещиков, а также в том, как воспринимают друг друга "работящие" и "фаталисты". Их отношения были взаимовыгодными. "Работящие" арендовали пастбища, принадлежавшие соседям-беднякам, и использовали их для выпаса своих крупных стад. Таким образом они приумножали свое состояние и одновременно обеспечивали другим стабильный доход с аренды. "Фаталисты" же, со своей стороны, извлекали выгоду из долговых отношений с "работящими": в частности, брали в долг значительные суммы на организацию похорон; этой культурной практике они явно придавали очень большое значение и стремились показать себя не хуже других. Кредит они предпочитали брать у "работящих", а не у управляющего имением.

Воздействие администрации поместья на стили жизни крестьян обнаруживается в поддержании ею социального неравенства. Она сотрудничала с "работящими", назначая их бауернфогтами и поручая им устанавливать размеры барщины, которые составляли приблизительно треть от объема полевых работ крестьянина на собственном участке. Те при распределении работ могли самим себе назначить более щадящие условия. Кроме того, управляющий поместьем охотно сажал детей из семей "работящих" арендаторами на запущенные участки, избавляясь таким образом от незначительных хозяев.

"Работящие" и "фаталисты" воспринимали друг друга с противоречивыми чувствами. Первые выражали недовольство по поводу того, что вторые запаздывали с севом, поскольку это задерживало всех во время полевых работ. "Работящим" приходилось мириться с тем, что "фаталисты" под предлогом, что лошади их плохи, уклонялись от выполнения работ в поместье — например, таких, как чистка водосточных канав. Если вода через эти каналы не уходила, затапливались поля, от чего страдали в итоге больше "работящие", нежели "веселящиеся", не торопившиеся с началом работ. Приглашая преимущественно "работящих" быть крестными своих детей, "фаталисты" рассчитывали на их поддержку в будущем. Они также охотно отдавали "работящим" в аренду свои неиспользуемые участки и иногда заимствовали у них лошадей для возделывания собственной пашни.

В целом вырисовывается картина социального раскола в деревне, исключающего возможность совместных политических действий про-

тив помещика. Неверно было бы предполагать, что описание стилей жизни служит только цели деполитизации историографии. Система распределения работ бауернфогтами, назначенными помещиком из среды самих крестьян, показывает, как решения высшей инстанции в деревне опирались на экономические и культурные потенциалы сообщества. Вместе с тем есть основания полагать, что решающие импульсы к изменению этой культуры приходили в поместье извне, перерабатывались в нем и лишь в преобразованном виде выполняли свою функцию³⁷.

Представленные формы стабилизации стилей жизни показывают, что они формируются (в отличие от хабитуса) вовсе не за спиной действующих субъектов: мы видим здесь как сознательные решения и приобретенные привычки поведения отдельных лиц и семей, так и постстарные индексы управляющего поместьем. Важную роль играют взаимодействие между группами, а также субъективное взаимовосприятие. Чтобы понять, как функционирует эта культура, нет необходимости противопоставлять друг другу структуры и образ действий. С помощью описания стилей жизни могут быть продемонстрированы как механизмы репродукции этой культуры, так и пути, ведущие к ее изменению - в результате, например, сознательного перехода все большего количества хозяйств к одному из описанных выше стилей жизни. В этом проявляется взаимосвязь между интенциями действующих лиц и структурными переменами. Конечно, нужно постоянно отдавать себе отчет в том, что реконструкция стилей жизни и стилей поведения всегда будет условной. Это - необходимое предостережение против неисторических иллюзий относительно возможности для исследователя абсолютного "вчувствования" или полного "понимания" исторических субъектов. Следует также помнить, что стили жизни, как показывает приведенный пример, обычно складываются из нескольких стилей поведения, которые могут комбинироваться субъектами сообразно их собственным стратегиям.

Теория стилей жизни может оказаться полезной для "культурной истории повседневности" с разных точек зрения. Изучая тот смысл, который исторические субъекты вкладывают в свои действия, мы используем для образования наших исследовательских категорий их понятия, их представления и ценности, т.е. их собственные классификации. Это значит, что мы уже на первом этапе построения теории признаем, что схема нашего исторического анализа будет в большой степени определяться взглядами людей изучаемой эпохи. Мы избегаем выделять "ведущие" факторы (рынок, религия, государство) и предварительно решить, что именно может играть главную роль в тех или иных исторических изменениях. Повседневная жизнь, возможно, имеет не меньшее значение, чем высокая политика; дело решает постановка исходной проблемы, для которой все остальное образует контекст. Злосчастное деление на важные и второстепенные предметы, по пово-

ду которого расходятся "гендерная история", "историческая антропология" и "историческая социальная наука", теряет смысл. Одновременно мы уходим от просветительских метаповествований, в которых заключены направляющие идеи и нормативные компоненты; глобальные теории (процесс цивилизации, дисциплинирование и пр.) будут применяться исключительно в качестве эвристических концептов с амбивалентной структурой. Формируя "эмпирические классы", чей стиль поведения или жизни изучается, историк должен будет учитывать структуры распределения ресурсов (гендерные, классовые, сословные и др.) в исследуемом обществе.

Таким образом, с самого начала за неравенством жизненных шансов и шансов на культурное признание будет признана конститутивная роль. Опасность "культурализма" поэтому исключается. Стили жизни и стили поведения будут рассматриваться как медиум, в котором соединяются действия, интенции, а также неодинаковые возможности действующих лиц. Поскольку культурные формы наличествуют в обществе, но усваиваются индивидами и группами, индивидуальные и групповые возможности формирования специфических стилей также оказываются заложенными в концепт. Культурная трансформация представляет собой результат относительно свободного выбора историческими субъектами тех или иных стилей жизни и поведения. Закрепившийся выбор, осуществленный множеством действующих лиц, оказывает обратное воздействие на распределительные структуры общества. Этот процесс происходит в условиях асимметричного распределения ресурсов, в нем имплицированы не предусмотренные последствия действий индивидов. Поэтому и модели исторического развития, которые предполагают, что в основе структур или исторических процессов лежат интенции (такие, как, например, дисциплинирование или конфессионализация), оказываются теоретически недостаточными. Изменившиеся структуры распределения тендерных ролей, экономических, социальных, политических и культурных ресурсов, в свою очередь, изменяют условия, в которых реализуются стили жизни и поведения.

Поскольку всякое действие сначала осознается теми, кто его осуществлял, описание истории может рассматриваться как акт многократных построений современников и историков. С помощью теории стиля жизни более интенсивный диалог между исторической антропологией и "социальной исторической наукой" мог бы дать новый импульс социальной истории в Германии, например в области сравнительного изучения стилей поведения и жизни в удаленных друг от друга регионах. Во всяком случае, я присоединяюсь к словам Ю. Кокки: "Как убедительно соединить социальную и культурную историю, но при этом не получить ни социальную историю, в которой нет культуры, ни легковесный культурализм, — вот один из тех больших вопросов, над которым стоит поломать голову"¹⁵⁸.

- ¹ Наиболее отчетливо Фуко сформулировал это в дискуссии с историками. См.: *Foucault M.* La poussiere et le nuage // *L'impossible prison*. P., 1980. О тщательной реконструкции понятия дискурса см.: *Frank M.* Zum Diskursbegriff bei Michel Foucault // *Diskurstheorien und Literaturwissenschaft*. F.a. M., 1988. S. 25-44.
- ² Что касается риторики по поводу "многообразия" и "противоречивости", то следует обратить внимание на частое употребление этих и им подобных понятий в редакционной статье в журнале "Historische Anthropologie". 1993. H.I. S. 1-3. (Далее: HA), а также на критическое замечание Т. Соколлы.
- ³ См.: *Sokoll T.* Familienhausen. Oberlegungen zu David Sabeans Studie über Eigentum, Produktion und Familie in Neckarhausen 1700-1870// *Ibid.* 1995. H. 3. S. 335-348: "... от взгляда в микроскоп на странности чужих культур - к панораме микрокосмоса повседневной жизни в историческом сообществе". См. об этом: *Medick H.* "Missionare im Ruderboot"? Ethnologische Erkenntnisweisen als Herausforderung an die Sozialgeschichte // *Alltagsgeschichte*. F.a. M., 1989. S. 48-84; *Idem.* Entlegene Geschichte? Sozialgeschichte und Mikro-Historie im Blickfeld der Kulturanthropologie // *Zwischen den Kulturen? Die Sozialwissenschaften vor dem Problem des Kulturvergleichs*. Göttingen, 1992. S. 167-178. Актуальный обзор дискуссии см.: *Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Mikrohistorie: eine Diskussion*. Göttingen, 1994; *Vierhaus R.* Die Rekonstruktion historischer Lebenswelten - Probleme moderner Kulturgeschichtsschreibung // *Wege zu einer neuen Kulturgeschichte (Göttinger Gespräche zur Geschichtswissenschaft)*. Göttingen, 1995. Bd. 1. S. 7-28; *Oexle O.G.* Nach dem Streit. Anmerkungen über "Макро-" und "Микроhistorie" // *Rechtshistorisches Journal*. 1995. N 14. S. 191-200. Наиболее серьезный вызов социальной истории бросает прародительница всех теорий модернизации - социология. См.: *Schäfer G.* Modernisierung der Vergangenheit. Geschichtswissenschaft in der Industriegesellschaft. Hamburg, 1990; *Wehling P.* Die Moderne als Sozialmythos. Zur Kritik sozialwissenschaftlicher Modernisierungstheorien. F.a. M., 1992. Дискуссия о "новой культурной истории" на страницах журнала "Geschichte und Gesellschaft" показывает, что историки осознают уязвимость своих позиций и пытаются компенсировать их недостатки. Всеохватный анализ и одновременно предложения по перестройке социально-исторического рынка были впервые даны в статье: *Sieder R.* Sozialgeschichte auf dem Weg zu einer historischen Kulturwissenschaft? // *Geschichte und Gesellschaft*. 1994. H. 20. S. 445-468. (Далее: GG). Общую характеристику дискуссии см.: *Merge! Th.* Kulturgeschichte - die neue "grosse Erzählung"? Wissenssoziologische Bemerkungen zur Konzeptualisierung sozialer Wirklichkeit in der Geschichtswissenschaft // *Kulturgeschichte Heute. Sonderheft 16 von "GG"*. Göttingen, 1996. S. 41-77. Откликов на призыв к продолжению теоретической дискуссии, содержащийся в этом сборнике, пока не последовало.
- ⁴ *Wunder H.* Geschlechtergeschichte und Frühneuzeitforschung // *Historische Zeitschrift* (в печати); *Eadem.* "Er ist die Sonn', sie ist der Mond". Frauen in der Frühen Neuzeit. München, 1992. S. 9; *Eadem.* Einleitung // *Geschlechterbeziehungen zu Beginn der Neuzeit*. F.a. M., 1991. S. 7-11; см. также предисл. к кн.: *Weiblichkeit in geschichtlicher Perspektive*. F.a. M., 1988. S. 9.
- ⁵ Я пользуюсь здесь и далее неспецифическим, несоциологическим понятием "группа", подразумевая под ним просто множество индивидов - представителей одного пола, одного этноса, одной профессии и т.д., состав которой, однако, не обязательно постоянен.

- ⁶ Проблематике теории модернизации, имеющей хождение по сей день, посвящено введение Рудольфа Фирхауса к сб.: *Fruhe Neuzeit - Fruhe Moderne? Forschungen zur Vielschichtigkeit von Übergangsprozessen*. Gottingen, 1992. S. 9. О том, как воспринимаются концепции Вебера, см.: *Peukert DJ. K. Max Webers Diagnose der Moderne*. Gottingen, 1989, а также: *Dinges Af. Frihneuzeitliche Armenfiirsorge als Sozialdisziplinierung? Probleme mit einem Konzept//GG*. 1991.Н. 17. S. 5-29. О развитии дискуссии в последнее время см.: *Kirchenzucht und Sozialdisziplinierung im frihneuzeitlichen Europa*. В., 1994.
- ⁷ *Haas S. Historische Kulturforschung in Deutschland 1880-1930. Geschichtswissenschaft zwischen Synthese und Pluralitat*. Koln, 1994; *Bollenbeck G. Bildung und Kultur. Glanz und Elend eines Deutungsmusters*. F.a. M., 1994; *Din K. Konservative Kulturvorstellungen und Kulturpolitik vom Kaiserreich bis zum Dritten Reich // Neue politische Literatur*. 1996. Н 41. S. 230-259.
- ⁸ *Dulrnen R. van. Kultur und Alltag in der Friihen Neuzeit*. 3 Bd. Munchen, 1990-1994; *Duerr H.-P. Der Mythos vom Zivilisationsprozess*. 3 Bd. F. a. M., 1988-1993.
- ⁹ *Nipperdey T. Kulturgeschichte, Sozialgeschichte, Historische Anthropologie // Vierteljahresschrift fur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*. 1968. Н. 55. S. 145-164.
- ¹⁰ См. об этом: *Sieder R. Op. cit.* S. 445-468.
- ¹¹ См.: *Dulmen R. van. Historische Anthropologie in der deutschen Sozialgeschichtsschreibung // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*. 1991. Н. 42. S. 692-708.
- ¹² НА. 1993. Н. 1. S. 2; см. также: *Dulmen R. van. Historische Anthropologie...* Ю. Кокка говорит о "зачастую теоретически бедной, теоретически скептической и теоретически замкнутой истории повседневности 80-х годов": *Kocka J. Perspektiven fur die Sozialgeschichte der neunziger Jahre // Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Mirkohistorie...* S. 39; *Medick H. Weben und Uberleben in Laichingen 1650-1900. Lokalggeschichte als Allgemeine Geschichte*. Gottingen, 1996. S. 37. Хотя автор книги и пишет о предпочтительности взгляда, направленного "внутри", а не "наружу", сам он в значительной степени остается в русле классической структурной истории.
- ¹³ Помимо работ, названных выше, см., например: *Habermas R., Minkmar N. Einleitung // Das Schwein des Hauptlings / Hrsg. von R. Habermas, N. Minkmar*. В., 1992. S. 7-19.
- ¹⁴ Об этом см.: *Schulte R. Das Dorf im VerhOr. Brandstifter, Kindsm6rderinnen und Wilderer vor den Schranken des bürgerlichen Gerichts Oberbayern 1848-1910*. Reinbek, 1989. S. 29f.
- ¹⁵ *Liidtke A. Einleitung // Herrschaft als soziale Praxis*. Gottingen, 1991; *Levi G. Das immaterielle Erbe. Eine bSuerliche Welt an der Schwelle zur Moderne*. В., 1986. S. 125f.
- ¹⁶ Решительное опровержение подобных заверений см. в блестящей статье Ханса Медика: *Medick H. Entlegene Geschichte?*
- ¹⁷ Между тем именно к этому стремится И. Шлумбом. См.: *Schlumbohm J. Familie, Verwandtschaft und soziale Ungleichheit: der Wandel einer landlichen Gesellschaft vom 17. zum 19. Jahrhundert // Fruhe Neuzeit - Fruhe Moderne?* S. 133-156. Р. Зидер подчеркивает необходимость добиваться сопоставимости результатов все более дифференцирующихся эмпирических исследований, чтобы на их основе было возможно построение новых теорий.

- ¹⁸ Попытка открыть дискуссию по этой проблеме сделана мною в рец. на кн.: *Diilmen R. van. Kultur und Alltag in der Fruhen Neuzeit. Dorf und Stadt. Miinchen, 1992. См.: Zeitschrift fur Historische Forschung* (в печати). Скрытое влияние не-отрефлектированного применения процессуальных категорий заметно, например, в работе: *Schindler N. Nachtliche RuheStellung. Zur Sozialgeschichte der Nacht in der Fruhen Neuzeit // Schindler N. Widerspenstige Leute. Studien zur Volkskultur in der Fruhen Neuzeit. F. a. M., 1992. S. 215-257.*
- ¹⁹ Так, например, Р. Ютте делает попытку рассмотреть тему "нагота" с точки зрения дискуссии о процессе цивилизации. См.: *Jutte R. Der anstossige Korper. Anmerkungen zu einer Semiotik der Nacktheit / Gepeinigt, begehrt, vergessen. Symbolik und Sozialbezug des Korpers. Miinchen, 1992. S. 109-129.*
- ²⁰ Более систематическое изложение см.: *Dinges M. Fruhneuzeitliche Armenfuhrsorge...*
- ²¹ На следующие ниже соображения меня в большой степени навела работа: *Mutter H.-P. Sozialstruktur und Lebensstile. Der neuere theoretische Diskurs iiber soziale Ungleichheit. F. a. M., 1992.*
- ²² у Норберга Элиаса это был отправной пункт теории цивилизации, которая уже не нуждалась более в историческом субъекте.
- ²³ Это подчеркивает Р. Шлегль в рец. на: *Beck R. Unterfinning. Landliche Welt vor dem Anbruch der Moderne. Munchen, 1993 // Historische Zeitschrift. 1996. Bd. 262: "Перед нами - наглядный пример самообмана и апорий микроистории, в программе которой заложено противоречие между точностью анализа и описания и редуцированием сложности предмета; в которой полнота жизни излишне противопоставляется научному "взгляду с высоты птичьего полета" (S. 14)".*
- ²⁴ Хотя технологические достижения - автомобиль, атомная бомба и т.д. - необратимы, их оценка претерпевает иногда быстрые и глубокие изменения.
- ²⁵ Об одном из исходных пунктов этих тенденции сужения правовой сферы, которые в настоящее время являются предметом острой полемики в криминологии и юриспруденции, см.: *Dinges M. Der Maurermeister und der Finanzrichter. Ehre, Geld und soziale Kontrolle im Paris des 18. Jahrhunderts. Gottingen, 1994. S. 214.* Множество конкретных примеров см.: *L'infrajudiciaire de l'Aniquite au XXe siecle. Dijon, 1996.*
- ²⁶ Об эмпирической операционализации "секуляризации" см.: *Freitag W. Volks- und Elitenfrommigkeit in der Fruhen Neuzeit, Marienwallfahrten im Fiirstbistum Munster. Paderborn, 1991. S. 359 ff.* Представление о секуляризации, которое с самого начала постоянно подразумевает наличие и противоположной тенденции, лежит в основе исследовательской программы Х. Лемана. Это мастерски демонстрирует Х. Медик (см.: *Weben und Uberleben...*), использующий такие сознательно парадоксальные формулировки, как "свободная торговля для цеха" или "протестантская этика, лишившаяся духа капитализма". Учет амбивалентностей, похоже, вызывает меньше трудностей там, где речь идет о менее нормативных теориях, таких, например, как "теория медиализации". В этом случае не возникает большой проблемы переориентации их "потребителей"; о вариантах и связанных с ними различных импликациях одной такой теории в разных научных средах см.: *Loetz F. "Medikalisierung" in Frankreich, Grossbritannien und Deutschland, 1750-1850: Ansitze, Ergebnisse und Perspektiven der Forschung // Das europasche Gesundheitssystem. Stuttgart, 1994. S. 123-161.*

- ²⁸ Loo H. van, Reijen W. van. Projekt und Paradox. Mflnchen, 1992. То, что в нашей дисциплине до сих пор большое значение сохраняют интерпретационные модели, вдохновленные теориями модернизации, вызывает сегодня у социологов только изумление, особенно когда речь идет об истории раннего нового времени.
- ²⁹ Alternative Rechtsformen und Alternativen zum Recht. Jahrbuch fflr Rechtssoziologie und Reshtstheorie. Opladen, 1980. Bd. 6.
- ³⁰ Grab D. Strategien, Zeit und Ressourcen. Risikominimierung, Unterproduktivitat und Musspraferenz - die zentralen Kategorien von SubsistenzOkonomien / Groh D. Anthropologische Dimensionen der Geschichte. F. a. M., 1992. S. 52-113, особенно S. 66.
- ³¹ Об утверждении рыночных отношений, происходившем не так, как это описывают расхожие модели, см.: Beck R. Op. cit. S. 505 ff.
- ³² Mommsen H. Noch einmal: Nationalsozialismus und Modemisierung // GG. 1995. H. 21. S. 391-^02.
- ³³ Hassauer F. Gleichberechtigung und Guillotine: Olympe de Gouges und die femi-nistische Menschenrechtserklarung der FranzOsischen Revolution // Weiblichkeit in geschichtlicher Perspektive. F. a. M., 1988. S. 259-291; Gerhard U. Menschenrechte -Frauenrechte 1789 // Sklavin Oder Burgerin? Franzfisische Revolution und Neue Weiblichkeit. Marburg, 1989. S. 55-72 (с текстом источника).
- ³⁴ Bourdieu P. Entwurf einer Theorie der Praxis auf der ethnologischen Grundlage der kabyischen Gesellschaft. F. a. M., 1979. Генезис теории Бурдьё см.: *Idem*. Der Habitus als Vermittlung zwischen Struktur und Praxis // Bourdieu P. Zur Soziologie der symbolischen Formen. F. a. M., 1970. S. 125-158.
- ³⁵ Подробнее об этом см.: Bourdieu P. Okonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital // Soziale Ungleichheit. G6ttingen, 1983. S. 183-198.
- ³⁶ Предположение, что люди каждой данной эпохи не бродили по своему миру вслепую, а кое-что в нем понимали, кажется мне более предпочтительным отправным пунктом для исторического исследования. Это, бесспорно, тоже нормативная посылка.
- ³⁷ О латентном экономическом детерминизме в концентрации хабитуса см.: Groh D. Pierre Bourdieus "allgemeine Wissenschaft der Okonomie praktischer Handlungen" // Groh D. Anthropologische Dimensionen... S. 15-26.
- ³⁸ Schulze G. Die Erlebnisgesellschaft. Kultursoziologie der Gegenwart. F. a. M., 1992.
- ³⁹ Hardtwig W. Auf dem Weg zum Bildungsbiirgertum: die Lebensfuhrungsart der jugendlichen Bildungsschicht 1750-1819 // Bildungsbiirgertum im 19. Jahrhundert. Teil III: Lebensfuhrung und standische Vergesellschaftung. Stuttgart, 1992. S. 19-41.
- ⁴⁰ Более подробные разъяснения этих характеристик см.: Mutter H.-P. Op. cit. S. 374 f., 376 f.
- ⁴¹ Справедливую критику теории трех культурных стилей Бурдьё см.: Schindler N. Jenseits des -Twangs? Zur Okonomie des kulturellen inner- und ausser-half der burgerlichen Gesellschaft // Schindler N. Widerspanstige Leute. Studien zur Volkskultur in der Friihen Neuzeit. F. a. M., 1992. Эту критику можно углубить, используя блестящую работу "История одежды" Даниеля Роша (вышла и в английском переводе): Roche D. La culture des apparences. Une histoiiie du v6tement. P., 1989: стиль необходимости (в нижних слоях), стиль практичности (в средних слоях - одежда, способствующая успешной торговле, особенно для женщин-продавиц) и стиль роскоши (в высших слоях). На осно-

вании материала, представленного Рошем, можно продемонстрировать, как, с одной стороны, необходимость давала о себе знать в среде аристократии, а с другой - как в низших слоях общества имели место демонстрация роскоши или практицизм. Выясняется, что часто концепции стилей имплицитно содержат в себе остатки прежних иерархических представлений о культуре: "наверху - больше свободы, внизу - меньше", что затрудняет понимание

⁴² Mutter H.-P. Op. cit. S. 379.

⁴³ Dinges M. Der Maurermeister...

⁴⁴ Подробнее см.: Ibid. S. 72ff, 140ff, 216ff.

⁴⁵ Об одном из редких случаев, когда казалось возможным выстраивание цепочки исторических свидетельств, относящихся к одному району крупного города, см.: *Boulton J. Neighbourhood and Society. A London Suburb in the Seventeenth Century.* Cambridge, 1987.

⁴⁶ *Dinges M. "Weiblichkeit" in "Mannlichkeitsritualen"? Zu weiblichen Taktiken im Ehrenhandel in Paris im 18. Jahrhundert/Francia.* 1991. Н. 18. S. 71-98; о конструкции тендерных ролей в области чести см.: *Idem. Ehre und Geschlecht in der Friihen Neuzeit // Das Konzept der Ehre in der Friihen Neuzeit - Konflikte und Grenzen.* Augsburg, 1966. О ритуализации с точки зрения истории литературы см.: *Braungart W. Ritual und Literatur.* Tübingen, 1996, особенно гл. 2; *Dinges M. Der Maurermeister... S. 271-275.*

⁴⁷ Прибегаю к осторожной формулировке, поскольку мне не удалось выявить достаточно большого числа случаев, а другие исследователи приходили к противоположным выводам (см., например: *Castan Y. Honnetete et relations sociales en Languedoc, 1715-1780.* P., 1974).

⁴⁸ Я сознательно употребляю выражение "в значительной степени", так как культура, конечно, не полностью определяется "спуском" культурных образцов; в ней имеет место асимметрическая циркуляция между слоями культурных образцов и практик.

⁴⁹ Об этом см.: *Gailus M., Lindenberger T. Zwanzig Jahre "moralische Okonomie". Ein sozialhistorisches Konzept ist volljahrig geworden // GG.* 1994. Н. 20. S. 469-477.

⁵⁰ Точную хронологию событий см.: *Dinges M. Der Maurermeister... S. 199 ff.* О дискуссии по поводу тезиса об эволюции преступности от насилия (violence) к краже (vol) см.: *Garnot B. Une illusion historiographique: justice et criminalite au XVIIIe siecle // Revue historicjue.* 1989. N 570. P. 361-379.

⁵¹ *Peters J. Platz in der Kirche. Uber soziales Rangdenken im Spatfeudalismus // Jahrbuch fur Volkskunde und Kulturgeschichte.* 1985. Н. 28. S. 77-106.

⁵² Из других сфер жизни назовем ношение одежды при дворе и различное отношение индивидов к традиционалистскому репродуктивному модусу придворного общества. См. об этом: *Dinges M. Von der "Lesbarkeit der Welt" zum universalisierten Wandel durch individuelle Strategien. Die soziale Funktion der Kleidung in der hdfischen Gesellschaft // Saeculum.* 1993. Н. 44. S. 90-112. Как стиль поведения, демонстрирующий наличие степени свободы, можно рассматривать демографическое поведение сельских жителей Оснабрка. См. об этом: *Schlumbohm J. Op. cit.* Подобные же выводы применительно к Демографической ситуации после "черной смерти" см.: *Hatje F. Leben und Sterben im Zeitalter der Pest. Basel im 15. bis 17. Jahrhundert.* Basel; F. a. M., 1992.

- ⁵⁴ *Christiansen P.O.* Lebensstile im Gutsdorf des 18. Jahrhunderts. Kultur und Kontraste unter den ostdanischen Gutsbauern // Gutsherrschaft als soziales Modell. Vergleichende Betrachtungen zur Funktionsweise frühneuzeitlicher Agrargesellschaften München, 1995. S. 129-154; *ladem.* A Manorial World. Lords, Peasants and Cultural Distinctions on a Danish Estate 1750-1980. Kopenhagen 1996.
- ⁵⁵ О деталях процедуры передачи двора см.: *Christiansen P.* Die vertrackte Hofübergabe. Zur gutsherrlichen Rekrutierung von Bauern in der landlichen Gesellschaft des östlichen Danemark im 18. Jahrhundert // Historische Anthropologie. 1995. N 3. S. 144-164.
- ⁵⁶ О значении постельного белья как показателя благосостояния см.: *Dinges M.* Stadtermut in Bordeaux. Alltag-Politik-Mentalitäten. Bonn, 1988. S. 237.
- ⁵⁷ Под "извне" понимается следующее: в сельских мирах, переживающих протоиндустриальную фазу развития, изменения на мировых или региональных рынках зачастую почти неощутимы; капитальные структурные изменения могут здесь быть почти полностью индуцированы извне. Последствия изменений в обеспеченности населения продуктами питания вызывали в XVIII-XIX вв. весьма различные реакции на уровне локальных сообществ и более крупных административных единиц, где управление было более эффективным; здесь сильнее заметно взаимодействие локальных и внешних факторов. Об этом подробнее см.: *Medick H.* Weben und Überleben... Kap. 3. О важной роли локальных факторов см. также: *Frank M.* Dorfliche Gesellschaft und Kriminalität. Das Fallbeispiel Lippe 1650-1800. Paderborn, 1995. S. 353, 359; *Schmidt H.R.* Dorf und Religion. Reformierte Sittenzucht in Berner Landgemeinen in der Frühen Neuzeit. Stuttgart, 1995.
- ⁵⁸ *Kocka J.* Op. cit. S. 33-39.

Перевод с немецкого *К.А. Левинсона*

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ В СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ?

<i>П.Ю. Уваров</i> ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	5
<i>К.В. Хвостова</i> СОВРЕМЕННАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ (Роль многозначной логики)	10
<i>М.А. Чешков</i> ИСТОРИЧЕСКАЯ СОСЛАГАТЕЛЬНОСТЬ, ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ НАУКА И РАЗВИВАЮЩИЙСЯ МИР	14
<i>Л.И. Бородкин</i> ИСТОРИЯ, АЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ И ТЕОРИЯ ХАОСА	21
<i>А.В. Оболонский</i> ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРЕКРЕСТКИ КАК ОБЪЕКТ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ	27
<i>С.А. Экиштут</i> КОНТРАФАКТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ, РАЗВИЛКИ И СЛУЧАЙНОСТИ В РУССКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ	33
<i>И.Н. Данилевский</i> СОБЛАЗН АЛЬТЕРНАТИВЫ	37
<i>А.Л. Юрганов</i> СВОЙСТВО ПОЗНАНИЯ, А НЕ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА	40
<i>В.Д. Назаров</i> СОСЛАГАТЕЛЬНОСТЬ СОСЛАГАТЕЛЬНОСТИ РОЗНЬ	42
<i>О.А. Ржешевский</i> УЧЕННЫЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ О ВИРТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ	45
<i>М.Ю. Пармонова</i> ИСТОРИЯ В СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ: ПОВОД ДЛЯ БЕСЕДЫ ИЛИ НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА? Опыт современной германской историографии	47
<i>Д.Э. Харитонович</i> МЕТОДОЛОГИЯ И НРАВСТВЕННЫЙ СМЫСЛ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ	50

<i>А.Я. Гуревич</i>	
ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ: БЕСЧИСЛЕННЫЕ ПОТЕРИ И УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ	53
<i>ДИСКУССИЯ</i>	58
<i>Л.М. Баткин</i>	
СТРАННАЯ ТЮРЬМА ИСТОРИЧЕСКОЙ НЕОБХОДИМОСТИ	64
<i>П.Ю. Уваров</i>	
РАЗВИЛКИ И ИГРАЛЬНЫЕ КОСТИ, АЛЬТЕРНАТИВЫ И СЛУЧАЙНОСТИ (Попытка инвентаризации)	78

ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

<i>Вяч.Вс. Иванов</i>	
СЕМИОТИКА КУЛЬТУРЫ СРЕДИ НАУК О ЧЕЛОВЕКЕ В XXI СТОЛЕТИИ	86
<i>Мартин Дингес</i>	
ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: ЧЕРЕЗ ТЕОРИЮ "СТИЛЯ ЖИЗНИ" К "КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ"	96
<i>А.Я. Гуревич</i>	
ПОДВОДЯ ИТОГИ	125
<i>В.И. Стрелков</i>	
К ОНТОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ТЕКСТА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ Ф.Р. АНКЕРСМИТА	139

КАРТИНА МИРА В УЧЕНОМ И НАРОДНОМ СОЗНАНИИ

<i>Найтхард Бульст</i>	
ПОЧИТАНИЕ СВЯТЫХ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ. Социальные и религиозные реакции на эпидемии чумы в позднее средневековье	152
<i>П.В. Крылов</i>	
МУЖСКОЙ КОСТЮМ ЖАННЫ Д'АРК: НЕСЛЫХАННАЯ ДЕРЗОСТЬ ИЛИ ВЫНУЖДЕННЫЙ ШАГ?	186
<i>А.Л. Юрганов</i>	
ИЗ ИСТОРИИ ТАБУИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ	194

ОБРАЗ "ДРУГОГО"

<i>О.А. Савельева</i>	
ОБРАЗ "ЧУЖОГО" В СТАРООБРЯДЧЕСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ. К проблеме этноконфессиональной самоидентификации	207

В.К. Ронин

КОЛОНИАЛЬНЫШ МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ И ПИСЬМА РУССКИХ
ЭМИГРАНТОВ (20-30-е годы XX века) 223

РЕЦЕНЗИИ

А.В. Каравашкин. Харизма царя. Средневековая концепция власти как предмет семиотической интерпретации (рец. на кн.: Б.А. Успенский. Царь и патриарх: харизма власти в России. М., 1998) 257

Л.А. Пименова. Как человек становится революционером? (рец. на кн.: Э.Х. Лемэ, Э. Патрик, Ж. Феликс. Революционеры за работой. Учредительное собрание, 1789-1791. Оксфорд, 1996; Т. Тэкетт. Становясь революционером: депутаты Национального собрания Франции и возникновение революционной культуры. Принстон, 1996) 275

И.К. Стаф. Роже Шартье: итог двух десятилетий (рец. на кн.: Р. Шартье. На краю обрыва. История между уверенностью и беспокойством. Париж, 1998) 288

Вокруг книги А.Л. Юрганова "Категории русской средневековой культуры"

А.Я. Гуревич. Из выступления на защите докторской диссертации А.Л. Юрганова 295

И.Н. Данилевский. Продолжение разговора с другом 302

Summaries 316

НАШИ ЮБИЛЯРЫ 322

Юбилей Светланы Валериановны Оболенской 322

К 80-летию Георгия Степановича Кнабе 325

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

Умер Андрей Григорьевич Тартаковский 330

Памяти философа 333

CONTENTS

HISTORY IN THE SUBJUNCTIVE MOOD?

<i>P.Yu. Uvarov</i> INTRODUCTION	5
<i>K.V. Hvastova</i> THE MODERN EPISTEMOLOGICAL PARADIGM IN HISTORICAL RESEARCH (The role of polysemic logic)	10
<i>M.A. Cheshkov</i> THE HISTORICAL SUBJUNCTIVITY, THE POST-NON-CLASSICAL SCIENCE AND THE DEVELOPING WORLD	14
<i>L.I. Borodkin</i> HISTORY, THE ALTERNATIVE AND THE CHAOS THEORY	21
<i>A.V. Obolonsky</i> HISTORICAL JUNCTIONS AS THE SUBJECT-MATTER OF THE ALTERNATIVE HISTORY	27
<i>S.A. Ekshtut</i> COUNTERFACTUAL MODELLING, JUNCTIONS AND THE FORTUITOUS IN RUSSIAH HISTORY AND CULTURE	33
<i>I.N. Danilevsky</i> THE TEMPTATION OF THE ALTERNATIVE	37
<i>A.L. Yurganov</i> A PECULIARITY OF COGNITION RATHER THAN A CHARACTERISTIC OF THE HISTORICAL PROCESS	40
<i>V.D. Nazarov</i> NOT ALL SUBJUNCTIVITIES ARE THE SAME	42
<i>O.A. Rzheshhevsky</i> BRITISH SCHOLARS ON VIRTUAL HISTORY	45
<i>M.Yu. Paramonova</i> HISTORY IN THE SUBJUNCTIVE MOOD: A TALKING SUBJECT OR A SCIENTIFIC ISSUE? On the contemporary german research	47
<i>D.E. Haritonovich</i> THE METHODOLOGY AND THE MORAL MEANING OF THE ALTERNATIVE HISTORY	50

CONTENTS

A.Ya. Gurevich
CULTURAL HISTORY: COUNTLESS LOSSES AND WASTED
CHANCES 53
DISCUSSION 58
L.M. Batkm
THE HISTORICAL NECESSITY, A WEIRD PRISON 64
P.Yu. Uvarov
JUNCTIONS AND DICE, ALTERNATIVES AND FORTUITIES (An
attempt at stock-taking) 78

THE HUMANITIES' ISSUES

Vyach. Vs. Ivanov
PLACE CULTURAL SEMIOTICS INSIDE THE HUMANITIES OF THE
XXI ST CENTURY 86
Martin Dinges
HISTORICAL ANTHROPOLOGY AND SOCIAL HISTORY: VIA THE
"LIFESTYLE" THEORY TOWARDS THE "CULTURAL HISTORY OF
EVERYDAY LIFE" 96
A.Ya. Gurevich
SUMMING UP 125
V.I. Strelkov
NOTES ON THE ONTOLOGY OF A HISTORICAL TEXT: SOME
ASPECTS OF F.R. ANKERSMIT'S PHILOSOPHY OF HISTORY 139

**THE IMAGE OF THE WORLD IN THE LEARNED
AND THE POPULAR MIND**

Neithard Bulst
THE VENERATION OF SAINTS DURING THE PESTILENCE. Social
and religious reactions on pest epidemics in late middle ages 152
P.V. Krylov
JEANNE D'ARC'S MANLY DRESS: AN EXTRAORDINARY EFFRONTERY OR
A FORCED MEASURE? 186
A.L. Yurganov
FROM THE HISTORY OF THE TABOO VOCABULARY 194

THE IMAGE OF THE "OTHER"

O.A. Savelyeva
THE IMAGE OF THE "STRANGER" IN THE OLD-BELIEVERS' FOLKLORE. To
the problem of ethno-confessional self-identification 207

V.K. Romm

COLONIAL MEMOIRS, DIARIES, AND LETTERS BY RUSSIAN
EMIGRANTS (of the twenties and thirties of the 20th century) 223

BOOK REVIEWS

Tsar's charisma. The medieval concept of power as the subject matter of semi-
otic interpretation (*A.V. Karavashkin's* review of B.A. Uspensky's "Tsar and
Patriarch: The Charisma of Power in Russia". Moscow, 1998) 257

How does a man become a revolutionary? (*L.A. Pimenova's* review of: E.H.
Lemay, A. Patrick, and J. Felix's "Revolutionaries at work. The Constituent
Assembly, 1789-1791". Oxford: Voltaire Foundation, 1996, 144 p.; T. Tackett's
"Becoming a Revolutionary. The Deputies of the French National Assembly and
the Emergence of a Revolutionary Culture (1789-1790)". Princeton: Princeton
University Press, 1996. 355 p.) 275

Roger Chartier: Au bord de la falaise: L'histoire entre certitudes et inquietude.
Paris: Albin Michel, 1998. 293 p. (Review by *I.K. Staf*) 288

About A.L. Yurganov's "Categories of Russian Medieval Culture"

A.Ya. Gurevich. From the remarks concerning A.L. Yurganov's doctoral
dissertation 295

I.N. Danilevsky. Continuing the discourse with a friend 302

SUMMARIES 316

OUR JUBILEERS 322

Svetlana Obolenskaya's Jubilee 322

Towards Georgy Knabe's eightieth anniversary 325

IN THE MEMORY OF LOST 330

Dead is Andrey Tartakovsky 330

In memoriam philosophi 333